ВСПЫШКИ МАГНИЯ

Лидия Пастернак Слейтер
(LYDIA PASTERNAK SLATER)

POÉSIE VIVANTE
1974

ВСПЫШКИ МАГНИЯ

Лидия Пастернак Слейтер
(LYDIA PASTERNAK SLATER)

POÉSIE VIVANTE
1974

BY THE SAME AUTHOR

Poems by Boris Pasternak. With a foreword by Hugh MacDiarmid.
Peter Russell, Fairwarp, Sussex, 1958. (Out of print.) Reprinted, with revisions and additional poems, 1959. (Out of print.)

Pasternak Fifty Poems. Chosen, translated, and with an Introduction by L.P.S.
George Allen & Unwin, London; Barnes & Noble, New York, 1963. Reprinted 1969 and 1972. (Also UNWIN BOOKS, 48.)

Before Sunrise Poems.
Mitre Press, London, 1971. Reprinted 1973.

Eighteen Contemporary Russian Poems
Hub Publications, Youlgrave, Bakewell, 1973.

OTHER WORKS

RECORDS

Boris Pasternak: Poems. Translated and read by L.P.S.
Lyro Record Company, London, LYR 1 and LYR 2, 1960 and 1961. (Not available.)

TAPES

The Poetry of Boris Pasternak: a lecture.
(With illustrative poems, also read by L.P.S., in the original Russian and in her English translations.)
Sussex Tapes, © Sussex Publications, London, 1973.

Pasternak Brother and Sister. Poems by B.P. read by L.P.S. in Russian and in her translation; also her own poems in Russian and English.
Hub Audio Visual Education (H.A.V.E.), Hub Publications, Youlgrave, Bakewell, 1973.

IN PREPARATION

Russian Salad. Translations from contemporary Russian poets.

Éditions Poésie Vivante, 12 rue Schaub, Genève

Printed in Great Britain at the University Press, Oxford

СОДЕРЖАНИЕ

I

ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ

II

1921–1935

III

ПОСЛЕ ПЕРЕЕЗДА В АНГЛИЮ (с 1935 года)

IV

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ВСПЫШКИ МАГНИЯ

Если душа ваша, лентой магнезии
Вспыхнув, горит ослепительным светом,
Может, не выдумка ваша поэзия,
Может, вы правда родились поэтом?

Запечатлеть при таком озарении
Мысли, природу, и чувства, — мгновенно:
Может быть, это и есть вдохновение, —
То, что единственно важно и ценно?

Мнится порою и мне что в экстазе я;
Чую в себе этот вспыхнувший магний.
Ручку, чернила, тетрадь! Безобразие...
Детский мой лепет смешон на бумаге.

ДЕТСТВО

Уютные кроватки.
Не наволочки — снег!
А жизнь — сплошной загадкой
Мерещится во сне.

Как стойко взрослым веришь:
Как лампам и зиме.
Достать до ручки двери —
Чего не дашь взамен?

И знаешь — есть опора;
При ней не опалит
Та печка, что в узорах
Из бело-синих плит...

Но хинною облаткой
Проходят вздохи лет.
Как прежде, все — загадка,
Но веры больше нет.

Я

Я горечь жизни пью до дна
Всегда, по прежнему, — одна,
И сердце рвется на куски
От неизбывности тоски.

Тяжелым комом заткнут рот;
Приход превысил мой расход:
Не вдох и выдох из груди,
А — груда боли впереди.

И горечь фактов, дум и слов
В меня втекает, как в русло,
И нет им выхода: хочу
Проснуться, крикнуть, — и... молчу.

Я — такова моя судьба —
Всему доступна и слаба;
Я боль, обиду и урон
В себя тяну со всех сторон,
И, задыхаясь и тая,
Всегда смеюсь. Вот это — я.

* * *

В воздухе пахнет рекой и сосною,
Бодро и весело жить.
Только весною, ранней весною
Так мучительно сладко любить.

Жизнь тогда кажется страшно простою,
Глупы и гордость и честь...
Но сердце свободно мое от постоя
Было, и будет, и есть.

МИМО

Хрустя, ломая ветки,
В песок врезая след,
Сейчас промчался мимо
Меня велосипед.

Он в белой шведской куртке,
Неистово звоня,
Тряхнул смеясь кудрями —
Он увидал меня.

Я бросилась в погоню,
Крича ему вослед...
Увы, промчался мимо
Его велосипед.

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ

Пастораль

Привычная жертва назойливых мух,
Лежит у пруда на пригорке пастух;
Он книжку читает, от солнца багров,
И изредка давит на лбу комаров.

С подоткнутой юбкой, грязна, и в веснушках,
К нему, ухмыляясь, подходит пастушка:
«Степан, а Степашка! Как солнце печет!
С тебя, видно, тоже, так пот и течет!»
«Жара, это верно, да только не трожь, —
Я книжку читаю, так ты не тревожь!»
«Ученый! Читает! Коровы уйдут!..»
«Куда им деваться? Уйдут и придут.»
«Ишь злющий! Брось книжку.» — «Пошла ты к чертям!»
«Все знает читает — и сам, мол, с усам.
Усов то и нету!» — «Дай срок — подрастут...»
«Росли бы шибчей, поглядеть красоту!»...
«Отстань, говорят тебе, дрянь, — не мешай!»
«Крапива сухая!» — «Болотный лишай!»
«Осел лупоглазый!» — «У, язва, — убью!»
«Тебе-ль поравняться со мной, воробью?»...

Но этой обиды Степан не стерпел,
Вскочил и стрелою за ней полетел;
Она ему — под ноги — ветки берез,
Он вмиг поскользнулся, и мордой — в навоз!

Тем временем ветер вдруг как обозлится,
И книжку схватил под середку страницы;
Страницы летят, и Степан им вослед,
А Машка хохочет, что моченьки нет!

Сгоняет с распухшей ноги комаров,
Кричит: «Растеряешь, разиня, коров...»

Жара. На лужайке коровы жуют.
Ландшафт. И, тем более, птицы поют.

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

Определенно жарит солнце,
Палит назойливо траву,
И сыплет пригоршней червонцы
В тени, сквозь темную листву.

Гудят и зреют в липах пчелы,
И стол давно уже накрыт,
И где-то слышен смех веселый,
И замер пруд и не бурлит.

Стихов развернута тетрадка
В тени у сосен, в гамаке.
И одуряюще на грядках
Цветы вздыхают; на песке,

Ногами к солнцу, сам под тенью,
Лежит усталый от игры
Щенок. Весь парк охвачен ленью
Дневной, томительной жары.

Накалена, как печка, крыша.
Ни облачка на небе нет.
И ни одной из птиц не слышно.
Блестит у пня велосипед.

Как в зале веер — теплый, нежный,
Дохнул случайно ветерок;
Щенок зевает и небрежно
Идет в тенистый уголок.

Затихли гуси, смолкли куры,
А утки плещутся в прудах;
Тяжелый, серый лебедь хмурый
Плетется с лебедью туда;

Весь птичий двор разбрелся как-то,
Индюшка роется в пыли,
Никто не думает кудахтать;
Чу! Будто стук колес вдали?

А может так, в ушах шумело.
О как приятен знойный день,
Как солнце голову нагрело!
Воды б! Но шевельнуться лень.

Приятное нытье в желудке.
Из кухни — запахи приправ,
Но в тишине полдневной, чуткой
Слышнее ароматы трав.

Вот на шоссе опять копыта
Мешают с эхом стук колес,
И безмятежность позабыта:
Гостей, должно быть, Бог принес!

Встаешь с кушетки — три ступени
Ведут к террасе и трещат.
Тут на столе букет сирени,
Из блесток лампа, пол досчат.

Заходишь в дом. И миг сослепа
Твой глаз ни зги не различит.
Тут полумрак, прохлада склепа,
И кто-то в кресле мирно спит.

Но вот, привыкнув к полумраку,
Ты видишь: в крынке молоко.
В восторге, придавив собаку,
Глотай стакан — о, как легко!

Отдерни спущенную штору
И хлеб в буфете отыщи,
И если сыр найдешь и творог,
На подоконник все тащи!

О молоко, о июньский нектар!
Вся крынка в горло потекла.
Стекло окна — нагретый спектр,
Блестит излучина стекла.

Но торопись, в начале парка
Уже катится тарантас,
И у крыльца, где гравий яркий,
Раздастся фырканье сейчас.

Все ближе, ближе бьют подковы,
Задеты елки, закивав,
Мычит испуганно корова,
Свой завтрак на лугу прервав.

В'езжают кони в георгины,
Забыты зной и сладкий сон...
Заволновалось все; павлины
Крикливый испускают стон.

Разбужен птичник, лай дворняжки
Несется с скотного двора.
В людской гремят тарелки, чашки.
Суп на столе?
Давно пора!

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Волненье странное владеет мной; не знаю
Чего хочу: мечтать? писать? любить?
Я целый день была такая злая,
И мне сейчас приятно доброй быть.

Порыв неясный в существе моем;
Насторожилась я и жду, — но жду напрасно.
Читать не хочется; писать? зачем, о чем?
Мое волненье мне самой неясно.

В весенный вечер хочется творить,
Не быть пассивной, чем-нибудь ответить
На неба синь, на зов тысячелетий,
Играть, рыдать, по улицам бродить...

Пустынен сквер; безлюдна площадь Храма,
И город мертв и сумрачно уныл.
И больно мне. И чувствую упрямо,
Что так проходит жизнь. И снова день уплыл.

ИЗ ОКНА

В тумане река. Небеса за завесой
Дождя, моросящего изредка.
Стемнеть бы должно, но вечер белесый
Забылся за серенькой изгородью.

Вылущен город; прибитая пыль
На зеркалах тротуаров.
Гулки шаги, как эхо, как быль
Странных, летучих кошмаров.

Белый туман; и небо белесо;
Дождь моросит временами;
Гулки шаги под навесом,
Сотканным небом и снами.

Что это — день, или вечер, иль сон?
Все в необ'ятном повислое...
С фабрик гудок, как сдавленный стон,
Мнится единственной мыслию.

Снова закапало; говор и смех
Резкий родился из воздуха,
Замер, и сбился в сплошной косме
Звуков, чеканных без роздыха.

Разума сетью пронизан туман;
Все в изумительной ясности;
В оцепененьи стоят дома,
Ждут, как герои в опасности;

Ждут, ожидают... И вдруг зашумело
В листьях деревьев; сразу
Вечер опомнился: Ночь, на смену!
Выбыл из строя Разум.

* * *

Пестрят фонарями бульвары,
Фальшивы песок и трава,
Открыты вечерние бары,
Горит огоньками Москва,
По улицам движутся пары,
От света болит голова,
И только луна, холодна и бледна,
На небе, в сиянии звездном — одна.

. . . .

Пустынно, темно, и печально.
На улицах редкие тени,
Деревья шумят погребально,
Кусты преклонили колени,
И время ползет машинально
Тоской безысходною тленья.
Насмешки и жалости горькой полна,
Глядит одиноко на землю луна.

В МОСКВЕ 1920 года

Весны дыхание в окно
Мне улыбается. Блестящее
Сияет с солнцем заодно
И снег искристый и слепящий.
Унылых мыслей череда
Ушла, исчезла — без следа.

Как ярко желт и тепел свет!
Как сини окна, снег и небо!
Огонь из щепок и газет
В моей печурке; пахнет хлебом,
Щи закипают, ель трещит,
Дух юности во мне кипит.

О, сколько раз в конце зимы
Я так киплю и «убегаю»...
Да, ко всему привыкли мы,
Но я к весне не привыкаю.
Весна какая в январе?
Но дух весенний на дворе.

Проходит день, темнеет свет.
На западе дрожащем реет
Над ярко-желтым бледный цвет
Зеленоватый; и темнеет
Ужасно быстро. И мороз
С нуля до четырех возрос.

Внимаю зимней тишине.
Как говор дальний слышен гулко!
Мерцают звезды в вышине,
Покой и святость в переулках;
Здесь царство снега, птиц и грез.
Не дрогнет кружево берез.

МЕЧТЫ

Он не придет, он ничего не знает,
Напрасно жду, не может он притти.
И все-же мне легко; как иногда бывает —
В воображеньи картина: мы в пути,

Кругом вода; тепло на пароходе;
Плывут назад луга, леса; вдвоем
Стоим на палубе, толкуем о погоде,
Восхищены прекрасным майским днем.

Кругом вода, над головою небо,
И теплый воздух радостно поет:
«Он тут, он тут, он не уйдет,
Он никогда еще так близок не был».

Потом в каюте пьем душистый чай;
Ни слова о любви, ведь все так ясно.
И взгляды мельком, невзначай...
Сижу, мечтаю... Знаю, что напрасно.

БАСИЛЬКИ

Был Тройцын День; с утра пекло
Со свеже вымытого неба,
Сияя, солнце; все влекло
Наружу, в воздух; дома не был
Ни стар ни млад; сварив обед,
Хозяйки мчались на скамейки;
Был звучен храм; как легкий бред,
Дымок струился сизой змейкой
Из той трубы, где самовар
Поспешно Паша разводила.
А вот Пречистенский бульвар,
Скамейка, и со мною — милый.

Я помню воздух: облака
Рождались и плыли на волю;
Пустой бидон от молока
Гремел в руках проворной Поли;
Она промчалась мимо нас,
Беспечная, легко и шибко,
Обдав огнем горящих глаз
И плутовской своей улыбкой.

Был жарко-свежий Тройцын День;
Цветы в букетах тесно жались
К краям корзин; в руках людей,
Потея, жалко унижались.

Как зной, как звон колоколов
Со всех Московских колоколен,
Как утро лета в хлебном поле
Был запах синих васильков.
Они кололись лепестками
Чуть-чуть и щекотали нос.
О терпкий запах! Он до слез
Меня доводит, и тисками
Сжимает горло; острота
Его родит воспоминанья,
И даже музыка, и та,
Сравниться с ним не в состояньи.

Быстрей бежали облака,
И Поля шла уже обратно
С тяжелой ношей молока,
Неся достойно, аккуратно.

Ты был веселый и живой,
Сверкало солнце, было жарко,
А тот букетик полевой
Был лучшим из твоих подарков.

* * *

(Отрывок из аллегорической поэмы «Зверинец»)

«...Сломался лед
И двинулась река...»

Меж тем они к реке подходят.
Ползет на льдину льдина. Шум
Глухой, и треск, и всплеск наводят
На душу сонм мятежных дум.
Душа стремится к шири, к морю,
С теченьем хладным, и зовет
Простор, и радостное горе,
С тоской надежд, уносит лед.

Слоненок все глядит, не слышит
Он слов рысиных; глух и нем,
Впился он в воздух, глубже дышит,
И смотрит вдаль; а между тем
Играет солнце на ступенях
Церковных лестниц; тепл асфальт,
И в храме праздничное пенье,
И слышен мощный, звучный альт...

Весна во всем: в реки дыханьи,
И в блеске купола вдали,
И в синем неба полыханьи,
И в сладком запахе земли.

И слышит рысь слоненка лепет:
«Ах, всепрощающую грусть
Весна в своем великолепьи
Несет с собой. Неправда-ль? Пусть
Воюют люди, грязно, гадко, —
Им не понять, не оценить...» —
И вдруг заметил, что украдкой
Зевнула рысь; и речи нить
Он утерял: «Ты так устала,

И скучно так бродить со мной,
Что лучше было бы, пожалуй,
Тебе теперь пойти домой.»
И рысь, сконфузившись, уходит.

Весна. И в храме перезвон...
И еще долго, долго бродит
Над бурною рекою слон.

ТРИ ОТРЫВКА ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОГО ЭТЮДА «ИСПАНЦЫ»

Хуан: Ах! здесь она! В руках у ней записка...
О как волненье сердца мне сдержать?
Я поступаю недостойно, низко,
Но не могу я долее молчать...

С тех пор как вы, о донна Инезилья,
Случайный взгляд метнули на меня,
В моей душе огонь зажегся: иль я
Сойду с ума от этого огня,
Иль вырвется наружу пламя страсти,
Сжигая все преграды по пути...
О если б вы хоть капельку участья
Могли ко мне в душе своей найти!

Простите, о простите, Инезилья!

. . . . .

Мной управляет нечто что сильнее
Людей и совести — мной управляет страсть.
Она клокочет, жжет и убивает,
И в ней одной вся жизнь заключена.
Когда я понял, что в ее я власти,
Я перестал бороться сам с собой;

Я потерял спокойствие и счастье.
Ужаснее ужасных этот бой
С своею совестью, с прошедшим, детски ясным.
Я стал игрушкой в волнах океана;
Я в зареве пожаров ярко-красном,
Я в жерле огнедышащем вулкана...

. . . . .

Как смею я, запятнанный несчастьем,
Вас, Инезилью чистую любить?
Как смею, обезумевши от страсти.
Об этой страсти с вами говорить?!
Молчал я долго. Тишины прохлада
Ночной меня гнала под ваш балкон,
Но я себе твердил «нельзя, не надо»,
Я гнал Ваш образ от себя, но он
Меня не покидал ни на мгновенье,
И вот я здесь, уставший от борьбы.
Я жду с любовью ваших обвинений,
Приму покорно приговор судьбы,
Я умолять вас ни о чем не стану,
Но — ради Бога — выйдя на балкон,
Не прогоняйте бедного Хуана,
Который ждет, с тоскою, у колонн!..

. . . . .

Хуан: Нет, нет — не говори мне о прошедшем!
Забудь его, как я его забыл!
Твоя любовь мне душу окрылила,
Готов любой я подвиг совершить!
Но — Боже мой — как ты тремя словами
Смогла мне жизнь вернуть и счастье воскресить...
А счастие мое сейчас огромно.
О нем мечтал в тиши ночной не раз.
Смотри — луна лукавая так томно

Льет бледный свет свой, и сейчас
Зальется соловей в кустах, и травы
Усилят южной ночи аромат.
Прольет любовь в сердца свою отраву,
И оживет безмолвствующий сад.
Притти в себя я должен; но на крыльях
Любви к тебе я завтра буду вновь.
Прощай же, до свиданья, Инезилья!
Прощай моя безумная любовь!..

Инезилья: Прощай, Хуан, до завтра! (*уходят*)

Инкарнасион: (*выбегая из кустов*)
Горе, горе!!! Что делать мне?! О Боже, помоги!..

. . . .

Хуан: Неповторимо блаженные годы!
Нет их — беспечных, безоблачных лет,
Ярких надежд, необ'ятной свободы,
Чувств благородных и чистых — их нет...
Помнится, в детстве, в открытое море
Рыбу ловить выезжал я с отцом.
Лодка одна, в беспредельном просторе,
Брызги на веслах блестят серебром.
Свежее утро; на небе пушистые
С краю барашки; широк горизонт;
После грозы испаренья душистые,
Бодро и солоно пахнет озон.
Бьются об лодку волны могучие,
Ветер шумит по пути.
Яркое солнце, летнее, жгучее...
Нет, не смогу я от солнца уйти!..

ОТ'ЕЗД ЗА ГРАНИЦУ (в 1921 году)

Луга, поля, озера мчались мимо,
И вихрем огнедышащая сталь
Несла меня из родины любимой
В зовущую, неведомую даль.

Надолго-ли? Как знать тогда могла я,
Что жизнь моя решалась навсегда!..
Судьбу свою, пытливо — молодая,
Доверчиво встречала я тогда.

Все было странно, ново, и влекло;
И, медленно меняя очертанья,
В окне за нами облако плыло
Под поезда ритмичное качанье.

Настала ночь. Подобной красоты
Я никогда не видывала ране;
С короткой тенью серые кусты
Неслись по лунной сказочной поляне.

И небо мчалось с нами взапуски;
Как было спать мне? Помню как теперь я:
Искали сердца щупальцы тоски,
Но с ними вместе — робкого доверья.

Восторг, вопросы заполняли грудь.
К стеклу прижавшись, жадно впечатленья
Глотала я: волшебный лунный путь
Тоску, любовь, надежды и волненье...

То было много лет тому назад,
Но не забыть мне этой лунной сцены!
Завороженные — теперь еще кружат
Кусты передо мной, как манекены.

Еще поныне, собранный судьбой,
Экспресс меня несет без запозданья
Куда-то вдаль; попрежнему с собой
Везу багаж утрат и расставанья.

Но ни надежд ни веры больше нет,
И знаю я: состав почти у цели.
А от промчавшихся несметных верст и лет
Лишь грусть о них и жажда уцелели.

УЖАСНО!

Ужасно! Брести черепашьей походкой,
Закутав дыханье ватою,
Не чувствовать: воздух из ветра соткан,
Но режущий свет видеть матовым.

Ужасно, когда от дыханья больно,
И ноги и мысли в сплошном напряженьи,
Не дать им нестись широко и вольно
В разгуле безумья весеннего!

Играть на рояли нельзя: знакомые...
В борьбе истощить эту мощь? но не с кем.
И вот, этой взрывчатой силой влекомая,
Стою у окна, теребя занавески.

Вот разве что ветер, холодный и здравый
(Ведь сам он насыщен тоскою),
Умыв мою грудь от весенней отравы
Холодной струей, — успокоит?..

Иль может сейчас из окна мне кинуться?
Не стоит, можно разбиться.
Иль выйти на улицу, с тем чтоб в берлинца,
Первого встречного, зря, влюбиться?!.

DAHLEM

Зной вчерашний исчез, испарился в ночи,
Духоты его нет и в помине;
Звонко яростный ливень удушье смочил:
Нынче — радость дыханья в Берлине!

Я иду без пальто и без шляпы, в одном
Только платье, холщево — открытом;
Ветер рвет его с плеч, словно хлещет кнутом,
Резво конь бьет о камень копытом.

Что за радость — итти, что за счастье — дышать
В этом бодро пьянящем просторе!
Все дано. Я беру. Здесь не надо решать.
Это — Далем; и ветер — как море.

ТОСКЛИВАЯ ПЕСНЯ

Для кого мои
Кудри — локоны,
Блеск очей моих
И зубов оскал?
Не увидит их
Ясным оком он,
Точит грудь мою
Лютый змей — тоска.

Для чего весна,
Ветром сладостным
Опоя сады,
Гонит тучи вдаль?
От весенних грез
Мне не радостно,
В них надежды все
Залила печаль.

Серо — пасмурный
День волнуется;
Первый вешний зов
И глубокий вздох.
Тает медленно
Снег на улицах;
Бугорочками
Тротуар подсох.

Тяжело весной
Быть совсем одной
И до поздних звезд
Не гулять ни с кем.
Сердце рыбкою
Без реки родной
Трепыхается
На сыром песке.

А, бывало, с ним
До полуночи
По Москве бродили,
Беседуя;
Пуст и тих бывал
Переулочек,
Лунный свет за нами
Не следовал.

И теперь, вдали,
На чужбине, я
Вспоминаю время
Далекое;
Иглы инея,
Небо синее,
Предвечернее
И глубокое.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я приду к тебе ночью, пасмурной ночью,
Когда сны и бессонница мучают,
Когда дождь за окном заунывно бормочет,
И луна застилается тучею.

Я приду невидимкой, неслышно ступая,
Подойду и поглажу, просижу до утра,
До тех пор, как тоска, безнадежно тупая,
Как кинжал отточённый не станет остра...

Я приду к тебе ночью, пасмурной ночью,
Когда сны и бессонница так одинаковы;
Когда дождь парусину забытую мочит,
Когда крыши блестящи и лаковы...

За окном — не понять: воркование, храп-ли,
Или дождь исключенья из правила учит...
Только грустно усталые падают капли,
Сны и мысли с бессонницей спорят и мучат.

Я с тобой разделю твои думы; и гладить
Буду тихо волос твоих сбившихся клочья.
Спи, мой мальчик усталый, измученный за день,
Спи спокойно глухою и пасмурной ночью!

ОСЕНЬ В КОРЗИНКИНЕ

Как мучительно хочется мне
Близ тебя проводить вечера...
Это лето прошло, как во сне,
Так давно и — как будто вчера!
Да, я помню: закат розовел,
И на вышке, средь бури и грез

Мы сидели, и ветер шумел
В увядающих листьях берез.
Алой странностью фата-морган
Облака громоздятся, растут,
В шуме ветра я слышу орган,
И столбы телеграфа поют.
Ярко-ветреный солнца разлив
Превратил в океан небеса;
Огибая коралловый риф
В нем плывут облака-паруса.
Так плывут облака, и часы;
Постепенно тускнеет закат,
Воздух взмок от вечерней росы,
Желто-зелен от сумерек сад.
Посвежело: немного спустя
Солнце скрылось. Тогда вырос гул
Проводов; по листве шелестя,
Ветер, сразу рванувшись, задул.
Резко-жалобно крикнул павлин,
Петухи напоследок поют;
Сладко мыслится жаркий камин,
Манит комнат вечерний уют…
Так прощайте же, горы, моря,
Исполины, быки, колесницы.
Будет завтра иная заря
И другие виденья и лица!

. . . . .

Пред огнем, на медвежьем меху
Разлеглись мы, и смотрим на пламя.
«Той» с волнением ловит блоху
И следит беспокойно за нами.
Вдруг резнуло тоской — оттого-ль
Что ты тихо поднялся и вышел?
Все растет одинокая боль,
А камин в меня пламенем пышет.

Стукнул крышкой и сел за рояль;
Слышу издали мягкие звуки —
Это — вальс, твой излюбленный вальс,
Полный пошлой и сладостной муки...
Ты играешь во тьме, без свечей,
Ты сидишь, весь окутанный мраком;
В этом вальсе — безумье ночей;
Я готова завыть, как собака.
Неприятен становится свет;
Как отчаянье ласково гложет!
Ухожу в темноту, в кабинет,
На дивана прохладную кожу.
Я способна теперь без конца
Пить в безумьи тоски эти звуки.
Вижу контуром профиль лица,
Вижу тонкие, белые руки...
Для меня этот вальс — это ты,
И теперь, в одинокие ночи
Под покровом глухой темноты
Он мне душу безжалостно точит.

Жарким льдом неосознанных снов
Разгорались пожары в крови,
Сладким страхом несказанных слов,
Тихой яростью первой любви.

Как мучительно хочется мне
Близ тебя проводить вечера!
Это лето прошло, как во сне,
Так давно! — Но — как будто вчера.

СЕСТРЕ

Два варианта

1

Благословенная, счастливая! Пиши!
Пусть кровью сердца, жгучею как яд,
Смертельно острою тоской твоей души
Рожденные, — пускай заговорят

Чуть слышные, как ветра дуновенье,
В стихах твоих, исполненных судьбой,
Неповторимые, простые откровенья,
Печаль, освобожденная тобой,

И все что каждому заложено в сознанье —
Последний стон, и первый проблеск дня,
И птиц чириканье, и горькое признанье,
И половодье слов: «не для меня...»

2

Тебе — удар, и боль, и стон, —
А люди слышат — церковный звон,
Небесно сложенную песню твою,
Хор херувимов в раю.

И, чем твое сердце больнее ранят,
Чем круче свивается жгут страданий,
Чем жарче в жилах смертельный яд,
Тем благодатнее песня твоя.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА

Вот день прошел, и снова тяжело,
И тихий вечер давит и возносит,
И что то тяжко в горле залегло,
И сердце вновь о чем-то тщетно просит.

И вновь стрижи. И снова слезы те,
Что и вчера, в глазах остановились;
И вечер тих в небесной красоте,
И замер дух в бесплодности усилий.

И так — всегда; и хочется уйти,
Сесть на скамью, на площади, на сквере,
И облаков далекие пути
Следить с тоской, и в них щемяще верить.

В простор и ввысь глядеть до темноты,
Ронять за жизнь накопленные слезы,
И знать что так же чувствуют кусты,
Что ту же боль несут в себе березы.

Когда-то год за годом проходил...
— не надо, нет, хочу писать спокойно —
Но храм был желт, и, легкий, тихо плыл,
И был широк прохладный подоконник...

* * *

Сколько на свете ненужных плачей,
Лишней тоски и обиды...
Солнце родное, солнце горячее,
Солнце, хоть ты — не выдай!

О не скрывайся! Конец, за тучей.
Холодно, пусто, щемит;
Мысли без мыслей, с болью жгучей,
С жгучей болью обид.

О почему-же не всем понятно,
Что жизнь — любовь, и не надо
Удар за удар отдавать обратно
И жечь беспрестанно ладан!

Итак уже трудно расслышать голос
За толщей массивных стен,
И счастье — не счастье, и смех — не веселость,
И жизнь — одиночества плен.

Бедные, бедные, глупые люди,
Не ройте себе могил!
Пускай никогда безответным не будет
Отчаянный зов «помоги!»

Но пусть и безмолвный вам будет понятен
Брата больного взгляд...
О если-б не было больше проклятий,
О если-б не было клятв!

Ночь над землей, и страшнее теперь еще
Осень, и боль мое сердце студит.
Боже мой, как объяснить неверящим?
Как научить вас любить, о люди?..

ИЗ ПИСЬМА ПОДРУГЕ

Меня терзает голод — это чудно
И признак жизни — значит я жива!
Не будем ныть; весною изумрудно
По черным пашням стелется трава...
    Насыщен воздух прелестью прощенья,
    Как в парнике тепло, и облака
    Поддерживают это насыщенье,
    Неся с собою грусть издалека.
А ветер нежно треплет их по небу,
Дарит деревьям жажданную жуть,
Дрожь шорохов; и вкрадчивою негой
Поя пруды, им не дает уснуть.

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель; воздух томится спросонка,
(дома свежей, чем снаружи)
Теплый и мягкий, как ручка ребенка,
Жалок он, слаб и недужен.

Милый, не бойся, ты будешь желанным,
Дай лишь понять что случилось!
Значит — весна, значит лето нежданно
В зимний оскал воротилось?

Что же, протри свои глазки, как дети,
Скинь свой туман, и открыто,
Облачным вздохом признайся: ты — ветер
Южный, с весны позабытый!

ЗИМНЯЯ МЕЛОДИЯ

Падал, падал, падал,
Падал снег;
Чистый, мягкий, тихий
Белый снег.

Падал долго, долго...
Предо мной
Заволок он дали
Пеленой.

Нету ни дороги,
Ни людей,
Только чутко — тихий
Снег везде.

Наугад бреду
К исчезнувшим домам;
Кто пройдет за мною
По моим следам?

Но кругом — ни звука.
В серой мгле
Все покрыто белым
На земле.

ПИШИ!

Чуждый, холодный, зимний
Город; и ночь; и — звездно.
Милый, скорей пришли мне
Весть, а то будет поздно.

Знаешь, луна сверкает
Так, что хрустальны крыши.
Глянь — чистота какая!
Слушай, как звезды дышат.

Знаю, союз наш хрупок,
Нас не связали клятвы...
Вот предо мною группа:
Добр и насмешлив взгляд твой.

О не бросай на ветер
То что бывало нашим!
Не забывай, ответь мне,
Черный ты мой барашек!

Помнишь, сосед наш часто
Кашу с'едал из стакана,
Сварив ее в нем, и хвастал
Следами свинца и циана?

После мытья пробирок
Чист и душист был воздух;
Нас не ждала квартира,
Мы уходили к звездам.

Звезды и здесь сияют.
Месяц колюч и светел.
Где ты, и с кем — не знаю.
Только бы ты ответил!

* * *

Угрюмый плот от берега отчалил
И медленно поплыл в глухую даль.
Он нагружен свинцовою печалью.
Тяжелый груз — холодная печаль.

Он тянет вниз, ко дну; и равнодушен
К тому что будет плыть или тонуть,
Он снится наяву. Сплошным удушьем
Ночная темь смыкает водный путь.

Его отправил кто-то непонятный,
Неведомо откуда и куда.
Печаль нема. Но эхом многократным
Бурлит о тайне черная вода.

Мне тяжело. Противится рассудок.
Тупая боль сжимает мне виски.
По кровеносным движется сосудам
Свинцовый груз нетонущей тоски.

* * *

Нету сил ни работать, ни мыслить, ни жить,
Только — плакать и спать беспрестанно;
Без движенья и цели лежать и грустить,
Все на свете забыть, всех на свете простить
И уснуть навсегда безжеланно.

Для чего я живу? Для чего за окном
Хлещет дождь, или снег, или ветер,
И деревья дрожат в лихорадке, и дом
Полон шумов и жути — все кажется сном
И печально и грустно на свете?

Может быть это все нарочитая лень,
Или страх, перед жизнью реальной?
Ежедневно, за утром унылым, как тень
Неизбежно, безжалостный следует день
Трезво-точный, холодно-нормальный.

Не успеешь, пропустишь — его не вернуть,
Уплывет он последним вагоном.
Ты один, и покинут; сжимается грудь;
В удивленьи глядишь на открывшийся путь,
На ненужные больше — прогоны.

Лучше спать. И в об'ятьи безбрежного сна,
В тишины переливе невнятном,
Думать нежно и больно о том, что весна
Будет снова, как детство, ясна и грустна,
И — как детство — уйдет безвозвратно.

ОСЕННИЙ МАРТ

Вчера весь день шел дождь, и вот сегодня
Земля запахла пряно, как весной.
О, что за утро! Легче и свободней
Мне дышится, и запах земляной,
Чуть слышный, но такой определенный
Счастливо-радостный, и робкий, и влюбленный
Восторгом жизни наполняет грудь.
Несусь ему навстречу в упоеньи,
И верю, верю в чудо обновленья,
И в то, что можно прошлое вернуть.
Что не сентябрь, а март благоухает,
Что мне не тридцать, а пятнадцать лет,
И что всемирным счастьем управляет
Дыханье трав и преданность планет.
Пусть нежно славит солнце в чистой сини
Умытого эфира аромат!
Я снова, будто девочкой в России;
Ты этому виной — осенний март!

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Сегодня день с утра туманный,
А с ночи — улицы влажны,
И воздух сам больной и странный,
Как в дни февральские весны.
Рыданье мнится в каждом звуке,
Но так же ровно дышит грудь,
И лишь слегка потеют руки,
А в голове — седая муть.
О, как в такие дни чернеет
Окраин взрытая земля!
Как жаждут влаги тополя...
Но сырость воздуха их греет.

…Да, значит, я была больна,
А потому — все время — с вами,
И синий сумрак из окна
Окутывал меня мечтами…

. . . .

Был бедный Урлик полон блох…
Белье стирала прачка Дуня, —
И постепенно веник сох,
Такой душистый накануне…

. . . .

Пред нашей дачей — поле ржи,
И зной, а дали — все в тумане,
И мы, утрами, вдоль межи
Бежим, покаместь не устанем…

. . . .

А помнишь музыку? Бывало
Играли мы; уйдя в себя,
С дивана Стелла нам внимала,
А я глядела на тебя…

А ночи звезд и разговоров,
Бульвар из снега и ворон,
И тени искристых узоров
У фонарей, со всех сторон…
И чуткость пахнущих снежинок,
И переулков тишина…
Стоит пустой Арбатский рынок.
Во всей Москве я с ним одна.

С тишайшей лаской переулки
В снегу сопровождали нас.
О, бесконечные прогулки
В ночной, неразрешенный час!..

РАННЯЯ ОСЕНЬ

(после болезни)

Я вышла из комнат больничных
Утром воскресным в сад;
Рано, щебечут птички,
Свежее сено, роса...

Нежится воздух нагретый,
Ясно, тепло, —
Словно второе лето
В осень вошло!

Сад монастырский рядом.
Там тишина навек,
Тень, ветерок, прохлада,
Блики в траве.

Сестры проходят гурьбою,
Свят их, из церкви, напев,
А небо — как шелк голубое
Сквозь утренний трепет дерев!

И вот в это небо знойное,
Господу Богу к ногам,
Возносит молитвою стройною
Мощную скорбь орган.

С ним голоса сплетаются
В кротко-покорной боли,
И дивный хорал заливается,
И зреет, и рвется на волю.

Он тонет волною горячей
В солнечном, ясном дне,
И счастье вселенной плачет,
Песней плачет во мне.

Тихой гармонией льются
Светлые слезы в синь.
В шум городской вернуться
Нет сил.

НОЧЬ В ПАРКЕ

Был туман. Паутины белесой
На лужайку легла пелена,
А высоко, высоко над лесом,
В исступленьи сверкала луна.

Так сверкала неслыханно ярко,
Как прожектора быстрый обман,
Озаряя прогалины парка
И молочно нависший туман.

Легкой жутью и внутренней дрожью
(Было сыро, и ночь — холодна)
Впечатление близости множа,
Нас гипнозом сковала луна.

Разговор замолкал беспрестанно.
Тихо, тихо бежали часы.
И земля покорилась туману,
Превратив его в капли росы.

Не повторишь ты слов своих нежных,
Той заботы ласкающих рук.
Было счастье, как вера безбрежно,
И спокойно, как утренний луг.

Этим утром судьба многократно
Наяву повторяла мечты.
Было все мне так близко и внятно,
И всех ближе и явственней — ты.

ВЕЧЕР В КОМНАТЕ

Темно красные обои
Свой сгустили хмурый цвет.
Без огня сижу с тобою,
Но тебя со мною нет.

Как изжить мне эту сказку,
Эти грезы наяву?..
Рук и губ живую ласку,
Пруд, и солнце, и траву...

Трудно, трудно было утру
Разлучить нас навсегда.
В мягком блеске перламутра
Грелись утки у пруда...

Вещим, бархатным гипнозом
Лечат волны темноты.
Тишь и мрак впитали слезы.
Я одна. С другою ты.

НА ЛУГУ

Чем луг этот закапали?
Чем почва налита?
Все вместе зреет на поле —
Все детство, все лета!

Все запахи в бессилии,
Лужайкам невдомек,
Как будто б упросили их,
Плывут на солнцепек.

Замучают, небось, они
И нас теперь сполна!
Оркестром пьяной осени
Душа полонена.

Но, граблями вз'ерошенный,
Отмечен ей солист:
В крапиве свеже-скошеной —
Смородиновый лист.

О утро бесподобное,
Всесильный аромат!
С тобою пью подробные
Пятнадцать лет назад.

Беспечно и восторженно
Валяюсь на лугу;
Что детство уже отжито,
Понять я не могу.

Какое наслаждение
Плескаться в небесах
И ветра нарождение
Ловить на волосах!

Глаза закрыв, прислушаться
И знать в полдневный зной,
Что радость не нарушится —
Ведь солнце надо мной!

МОРСКИЕ НАБРОСКИ

(Разных лет, и с разных морей)

1

Молочно-перламутровое море;
Молочно-перламутровые дали;
И солнце где-то близко, под вуалью,
Но силится, и — выйдет, выйдет вскоре.
    И — вот оно! Внезапно брызнул зной,
    И тает, благодатный, на ветру...
    Слепящею, сквозной голубизной
    Искрится, блещет море поутру.

2

О море дорогое, как тебя
Люблю я в этот ранний час заката!
Ты — теплое, ты — нежно голубое,
Ты — тихое; и редкая волна,
Внезапно встрепенувшись, гладкий берег
Шумливо заливает, а потом
Заботливо зализывает раны.
И — ветерок. И солнце в небесах
Уже не жжет, а, ласковое, греет;
Еще оно слепит; еще оно
Бесцветно яркое, и в море полосой
Широкою блестит его дорога;
Но тени уже длинны на песке,
И горы выплывают из тумана.
    Еще час, два — и ахнешь, увидав,
    Как вспыхнули в малиновом пожаре,
    Как пламенеют, медлят потухать,
    Лиловые отбрасывая тени...

Час гор — вечерний час. Они парят
Над вдумчиво затихнувшим селеньем,
Отчетливой огромностью своей
На время став бесспорнее, чем море.

3

Такие крупные, неслыханные звезды!
И все светло, светло почти как днем,
И странное блестит на небе солнце,
И серебрится море чешуей,
А все кабинки выстроились вряд —
Одна в одну — все серые стоят
И слушают как море прибывает.
И тени от луны как будто днем,
И жутко — и не жутко здесь у моря.
И — ни души кругом — одна луна,
Песок, и волны — ровный шум прибоя.

4

Морские волны вздымались круче
И гнал над морем сурово
Зловещий вихрь снеговые тучи
Каймою сизо — лиловой.

И в брызгах солнце рвалось со стоном,
Слепил простор, выростая,
А плотный, мокрый песок соленый
Был пуст, как душа пустая.

Сгребай, ураган, свои тучи гуще
На счастье вольному взгляду!
Он вырвался вон — единый сущий,
И нет ему, нет преграды.

5

Вот вечер; и дождик закапал;
И силится сердце понять
Акации сладостный запах,
И моря соленую гладь.

Но думать об этом напрасно:
Мой столик накрыт под окном,
И пахнет оливковым маслом
И красным дешевым вином.

И снова хозяин с заботой
Попрежнему спросит меня,
Довольна-ль я морем, работой,
И всеми деталями дня.

Потом принесет он еду нам,
Гостям беззаботной страны...
Тот мир и покой был кануном
Второй всемирной войны.

В ЛОНДОНЕ

Солнце! Как тебя благодарить!
Ветер, облака, — какое счастье!..
Мне так страшно, мне так грустно жить
В городе, где круглый год — ненастье.

Где весной, и летом, и зимой —
Все ноябрь, уныло неизбежный;
Где приходишь в дом, а не домой,
Где и труд, и отдых — безнадежны.

Дождь и холод, пыль и дым и мрак
Потушили радость, свет и краски.
На чужбине, в эти годы так
Трудно мне без солнца и без ласки.

Точит сердце горькая тоска,
Страх за близких, — и таких далеких!
За полмира, сжатого в тисках,
Горечь, боль, обида и упреки...

Вышло ты — и радость залила,
Ярким счастьем все восстановила.
О, насколько проще-б жизнь была,
Если-б солнце чаще выходило!..

* * *

Лишь в панцыре душа неуязвима,
Но я на свет явилась без щита.
Жестокость бытия — неотразима;
Жить больно, жить почти невыносимо,
Бессмысленна нагая нищета, —
И с детства я плачу своею кровью
За сердце, обнаженное любовью.

Порой, бывало, рана рубцевалась;
Но вновь рубцы душа моя рвала:
Она под ними словно задыхалась,
И — дикая, — на волю вырывалась,
И счастлива мгновением была,
Чтоб тут-же, вспыхнув, наново сраженной
Упасть и биться, насмерть обожженной...

О, сколько раз со мною это было!
Да, мой удел лишь видеть и давать,
Быть нянею, кормить и утешать,

Сносить с улыбкой подлость и обманы,
Зализывать душой чужие раны,
Но для своих — целения не ждать.
Ошиблась. Виновата. Позабыла.

Вся боль прошедших лет терзает снова,
И ноет сердце, — больно так сосет...
Но чудятся замолкнувшие зовы.
Ужель освобождающее Слово,
Ужель, как встарь, оно меня спасет?..

Приди, раздайся, благостное, звонко,
И дай мне снова голову поднять!
Расти, расти, целительная пленка,
Быть может сердце выживет опять.

THARON

На дюне песчаной, громадной и зыбкой
Лежу я, и солнце ласкает меня
Осеннею, нежно-вечерней улыбкой,
И грусть в этой нежащей ласке огня.

И грусть в этом небе лазурно-белесом...
Но дети резвятся, и тает туман,
И стелется сизая тучка над лесом
Из пиний, и мерно шумит океан.

Как ощупью роюсь я в детстве далеком,
В клочках этой жизни моей кочевой...
Здесь столько живых, мимолетных намеков
И напоминаний, не помню — чего.

Здесь столько есть сходства! Но с чем — я не знаю.
Душа еще помнит, а мозг перестал;
Стараюсь припомнить, и все ускользает...
Вот запах знакомый! — а память пуста.

Одесса, Марина ди Пиза, и дачи,
Поля и лощины, цветы, березняк,
И русской деревни коровы и клячи,
Приморских дорог и песков белизна,

И запах акаций, и лип, и предгрозья,
Верона и персики, пламенный июль, —
(С беседок висят виноградные гроздья) —
Хвоя и янтарь, пирожки, Меррекюль —

Все вместе смешалось, и манит и нежит,
Не в силах распутать я детства узор...
Здесь столько ракушек, медуз и прибрежий
И десятилетий баюкает взор!

А детям моим это — южной Бретани
Послужит испытанной и дорогой
Основою собственных воспоминаний,
Понятной, похожей, но все же — другой.

ЖЕНАТОМУ

Я вам пишу. Чего же боле...

Я знаю что влюбленность — бредни.
Но с мая, по календарю,
Не в первый раз и не в последний,
Я вновь, как в юности, горю.

Я Вас любить была готова
Давно, заочно. Но, увы,
Мы встретились. Ждала чужого,
А предо мной предстали — Вы.
Такой большой, такой желанный,
Такой родной. И в тот же час

Вы вновь исчезли. Беспрестанно
С тех пор я думаю о Вас.
Я притворяться не умею,
Я не скрываю и не лгу,
И — так как я Вас не имею,
То — потерять Вас не могу.
Имущему страшны утраты,
А нищим — нечего терять.
Итак Вы, стало быть, женаты.
Ну что ж, спокойнее вверять
Мне без надежд и упований,
Без бурь, и взлетов, и стихий,
И горьких разочарований
Свои мечты, свои стихи
Доброжелательному другу,
Довольному своей судьбой,
Своим трудом, своей супругой,
А может и самим собой.
Как феникс, сердце научилось
Живым из пепла восставать
И принимать любовь как милость
И без конца чего-то ждать.
И вот — спешу влюбиться снова:
Как все поэты — жажду вновь.
Люблю не Вас, и не другого,
А просто, кажется, — любовь.

Тоской, смятением об'ята,
Я одиночеством пьяна.
Благослови Вас Бог, женатый,
За то, что я Вам не нужна!

НА ПАЛУБЕ

В клочьях туч обжигается солнце;
Море сонно пьянит, как вино;
Мелким бисером на горизонте
Рассыпается в блестках оно.

К полдню ветер заметно крепчает;
В черно-синей, ожившей воде
Ярко-белые гребни сверкают
Во всю ширь океана, везде.

И дрожит пароходное чрево,
Содрогаются мачта и кран;
То на правом борту, то на левом,
Выростая, встает океан;

Но, помедлив мгновенье у реи
И, вернув небосвод голубой,
Снова вглубь, постепенно быстрее,
Он влечет небеса за собой.

Там, под бортом, морские ухабы
Допотопно и нехорошо
Дышат кожей чудовищной жабы,
Перистальтикой чьих-то кишек.

Лучше вниз не смотреть: тошнотворно!
Лучше — прямо вперед, на игру
Белых гребней на иссиня-черном
И на быстрые тучи вокруг;

Иль — по палубе, взапуски с морем,
Против ветра в неравной борьбе
Разогнаться в веселом задоре,
Вновь почувствовав силы в себе.

В безопасном плену парохода
Я люблю этот буйный простор,
Яркость ветра, огромную воду,
И гудящий, немолкнущий хор

Этих стонов и шлепа и свистов,
Всю симфонию гула вершин,
Вздохов трюма, рыданий, неистовств
Непогоды, и стука машин.

Глухо грома раскаты недаром
С океанского чудятся дна:
Равномерно, удар за ударом,
Бьет о борт за волною волна.

Разлетается вдребезги, в брызги,
Хлещет, падая в водоворот, —
Гул и грохот и ропот и визги,
И — могучий — дрожит пароход.

Позади, за кормою, — долиной
Развернулся шипящий поток;
В пенной ярости аквамаринной
Вместе с дымом несет его вбок.

Липнет солью намокшее платье;
Больно в вихре дерутся вихры…
Всей душой вам стремлюсь передать я,
Братья-волны, волненье сестры!

Утоляет в любую погоду
Алчность сердца ваш красочный звон,
Ваш — в стихийном восторге свободы —
Безошибочный ритмов разгон.

И, чем громче бушует, чем выше
Из пучины взлетает волна,
Тем полней и спокойнее дышит,
Вызревая в душе, тишина.

ИЗ ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

. . . .

Не осудите, если вас
Я отвлеку от дел на час
Стихами всяческого рода!
Конечно, нынешняя мода
Не любит устарелых слов;
В опале искренние чувства,
И подрыватели основ
Лишь то считают за искусство,
Что режет глаз и режет слух;
Взрыв, окрик, нынче — неизбежность.
Эпоха бедствий и разрух
Клеймит былую грусть и нежность.

В моих стихах найдете вы
(Наш общий друг такого мненья)
Неподходящие, увы,
Для вас слова и выраженья.
Слова как «сизый» или «сон»
Иль «перламутровый» иль «сказка»;
Таких вот слов боялся он,
И мне советовал с опаской
Переменить их; бурый цвет
Куда приемлемей, чем сизый,
И мягким чувствам места нет
В строке, согласно всем девизам
Сегодняшним. Все так, но все-ж

Попрежнему упорной дурой
Зову в стихах я — дрожью — дрожь
И — сизым тучи цвет, не бурым,
Коль цвет ее и точно сиз.
Портретность, сходство — *мой* девиз!
Бояться слова — инфантильно.
Давно пора нам возмужать
И перед критикой всесильной
Не лебезить и не дрожать.
Свободен передать писатель
И чувство, и подметки скрип...
Но волен также и издатель
Его отвергнуть манускрипт.

Простите, что я вам послала
Такую кучу матерьяла.
Верните мне, когда плохи,
Хотя бы все мои стихи,
Включая, может быть, и это
Послание, — доверья знак
Неисправимого поэта.
С почтеньем,
Лида Пастернак.

ЖИЗНЬ

Когда тебя узнала я,
Ты был уже женатым,
И стал ты поневоле мне
Любимым третьим братом.

Что мы судьбою связаны,
Понять мы не решались.
Все было недосказано, —
Случайно мы расстались.

Мы слишком поздно встретились,
Расстались — слишком рано,
И жизнь прожгли героями
Небывшего романа.

Теперь мы снова свиделись,
Но слишком поздно снова:
В нас нету ни задора, ни
Доверья молодого.

Мы оба стали старыми,
Того не видя сами;
Привычек повседневности
Мы сделались рабами;

И многое не нравится
Тебе во мне, я знаю;
И мнишь ты, что я многого
В тебе не понимаю.

Но мы не избалованы
Превратною судьбою.
Не чудо ли, что снова мы
Вдвоем, что я — с тобою?

Пусть бурям нашей нежности
Тоска была закваской;
Ты горечь безнадежности
Смягчил своею лаской.

Исчезло это сковано —
Немое ожиданье,
И в старости по новому
Мы празднуем свиданье.

ТАТЬЯНЕ

«Ешь пироги с грибами
да держи язык за зубами!»

Восстановив былую моду,
Я, вместо торта и цветов,
Преподношу вам эту оду
Из массы обветшалых слов.
Хотя и жаль мне непрестанно
Ворочать Пушкина в гробу,
Но не воспеть в сей день Татьяны
Мне просто кажется «табу».

Мечтами в камне разукрашен,
Из камня кружево надев,
Прекрасный Оксфорд спящих башен
(И спящих юношей и дев)
Гордится собственной Татьяной.
О ней одной я говорю.
Я не хочу быть обезьяной,
И прежних рифм не повторю,
Когда смогу найти другие.
Да здравствует Татьянин День!
Бывало, в этот день в России,
Отбросив жизни дребедень,
Вся молодежь передовая,
Ученье, юность прославляя,
Любовь, свободу и народ,
Пила и пела каждый год.

Занесены в чужие страны,
Бездушной следуя судьбе,
Увы, не многие Татьяны
Остались верными себе!

Не многие из них готовы
В день имянин, как прежде, снова,
Под хруст жующих челюстей,
Голодных подчевать гостей...

Средь этих редких исключений —
Татьяна Ламперт, наш герой
Не странно ль, что ее Евгений
Теперь при ней, и что порой
С ним долго шепчется Татьяна,
И не боится целовать
Его при людях? Нет, не странно:
Она ему — родная мать.

Тут многим чужд язык английский;
Язык родной куда милей
И нам — студенту и курсистке
Былых, давно минувших дней.

Но все равно: язык казенный,
Иль тот к которому привык, —
Вкуснее всех — язык вареный,
Татьяной поданый язык!

Держась за пирожки зубами,
Мы, жадно и на-веселе,
С'едаем и язык с грибами,
И ждем в истоме крем-брюле,
Душой погружены в Нирвану...
От благодарного стола
Почет Татьяне и хвала.
Итак — еще раз: за Татьяну!

ТИШИНА

Больше хлеба насущного людям нужна
Для душевного роста, порой, тишина;
Но она — не беззвучность могилы.
В тишине — много звуков и силы.

Это — в полдень — шумящий макушками лес;
Это — навзничь — бездонное море небес
С набегающими облаками;
Чай в пути, предо мною в стакане,
Под ритмичный, немолкнущий говор колес,
Или — жаркий, над морем, высокий утес;
Это — ночь, проведенная с милым.

Это — раннее утро; и города шум
Не мешает еще нарождению дум;
Это — шелест, ветвей колыханье;
Это — рядом — ребенка дыханье.

Даже в зале концертной, подчас, — тишина,
Даже в громе оркестра возможна она!
Но ее не найти в ожиданьи.

Тишина пред грозой тишины лишена.
Тишина после выстрелов — не тишина.
Шум волны тишины не лишает,
Но людской разговор ей мешает.

Тишина — это фон для беседы души.
Сочинять и творить можно только в тиши,
В — полном стройных гармоний — молчаньи.

Чтоб никто не звонил, не искал, не хотел,
Не болтал, не внушал, не кормил, не жалел, —
А вот так: в одиночестве дружном
Уловить в тишине то, что нужно:

Тот, единственно важный, чуть слышный намек,
Нерожденное слово, те несколько строк,
По которым душа изнывает,
От которых все вдруг оживает!
Но — как редко *такое* — бывает...

TINTAGEL

О, после бурь, — какая тишина,
Какая ширь слепящей глади моря,
Какой покой! И теплый ветерок
Чуть-чуть колышет траву над обрывом,
А небо голубое ввечеру
На горизонте переходит в дымку
Белесую; и солнце так блестит
Над рыбьей чешуею океана,
Что надо щуриться, когда туда глядишь.

Не слышно шума волн; и чаек крик
Не слышен, — все затихло, отдыхая;
А белый, низкий домик, — наш приют,
Так врос в свой холм, в свою скалу крутую,
Что стал и сам куском живой природы.

Поверить трудно, что еще вчера
С песка на скалы бешено бросались,
Месили камни с пеною, и вновь
Швырялись вверх огромною стеною
И рассыпались пенистые волны,
Катили шум и грохот, гром и ад,
В личине безобидной взбитых сливок,
Во всю длину скалистых берегов,
И тошнотворно, в дикой красоте,
Крошили в щебень бревна и стропила.
А нынче — «тишь да гладь, да Божья благодать»,
И теплый воздух чуть колышет травы.

ЛЮБЯЩИЙ

Промчался сон. Один опять я.
Но лишь глаза закрою я —
Я вновь держу тебя в обьятьях,
Ты вновь со мной, ты вновь — моя.

И все свое очарованье,
Всю нежность мне вверяешь ты...
Но — счастье это, иль страданье?
Действительность, или мечты?..

Мне холодно и одиноко.
Волшебный разомкнулся круг.
Ты здесь была; ты так далеко!..
Тревогой заливает вдруг

Мне сердце. Жажду новой встречи.
Наступит-ли она?.. Зимой
Зажжется вновь морозный вечер,
Придешь, усталая, домой,

С улыбкой тихою, родная,
Присядешь снова на кровать...
  Дождусь, дождемся ли?.. Не знаю.
  Но буду дни и ночи ждать.

МАК ЦВЕТЕТ

Пожар! Среди дикого сада
Взмывается на баррикады
Волной полыхающей пламя, —
Революционное знамя.

Никто помешать не посмеет,
И ливни залить не сумеют.
Ликуя, пылают в аттаке
Огромные, алые маки!

СТАРШЕЙ ДОЧКЕ

Как я хотела жить, — и не жила,
Кем я хотела стать, — и кем не стала,
Мои мечты, надежды и дела
Ты за меня на деле оправдала.

В тебе есть много, чего нет во мне;
В тебе нет многого что в жизни мне мешает.
Бесплодно не трепещешь ты в огне,
И дел твоих другие не решают.

Храни тебя, родная детка, Бог!
Любовь тебе, и мир, и легкокрылость!
Быть может грустный опыт мой помог
Тебе сложиться так, как ты сложилась.

ЖАРОВОЕ

Мне б хотелось Вас закутать
В полушалок нежности;
В санках с Вами, в первопуток,
Мчаться белоснежностью;

Чтоб мороз и ветер щеки
Наши жег безжалостно;
Чтоб родным, а не далеким,
Все вокруг казалось нам.

Запах сбруи, потной кожи,
Лошадиный зад...
Чтоб нам, вместе, быть моложе
Лет на пятьдесят...

Я больна. В глазах мерцают
Словно нервов ганглии;
Скупо снег грипозный тает
В мокрой, зимней Англии.

Тут нужны ли оправданья?
Жар — так делать нечего!
Вам — спасибо за вниманье.
Сладко мне играть в мечтанья
Темным, тихим вечером.

ПО ПУТИ ДОМОЙ

Из письма в Москву (Поезд, потом пароход)

Густой туман Голландию окутал.
Хоть поутру и сладостно дремать,
Но ближе, ближе с каждою минутой
Я чую море; полно обнимать
Подушку мне! Ведь я уже одета,
Умыта, сложена; и с'едена морковь,
И выпит чай в стакане русском этом,
И переплакано прощанье наше вновь.

Обведены квадратами каналов
Луга, сады, усадьбы и стада,
Как если-бы не создала, — сломала
Простор земли искусственно вода!..

А ведь она — помощница природы,
И без каналов не было бы тут
Ни сочных трав, ни скромных огородов,
Ни мельниц, ни коров: они живут
Каналов аккуратностью чертежной;
Блестит в ином холодная вода,

В других — воды заметить невозможно:
Лилово-красной ряскою тогда
Они покрыты плотно, как дорожки
Под красным гравием; (площадки для игры
Такими же бывают) и немножко
Не верится, что плотность эта — тряска,
Что это лишь вода, и сверху ряска,
Что топка эта видимость коры!

Густой туман сгущался; к пароходу
Направлен был светящийся маяк.
Как мало слезло с поезда народа!
Как быстро все прошли к мосткам, и как
Все просто было, тихо, незаметно,
И сколько места было всем везде!..
Вот мы отплыли. Побродивши тщетно
По палубе, привет морской воде
Послав (такой холодной и свинцовой),
Сошла я вниз; в уютнейшей столовой,
И видя, что свидетелей тут нет,
Я с'ела недозволенный обед;
Он состоял из сочно-мягкой глыбы
Прожареннейшей, вкусной, жирной рыбы
С салатом и горою из «помфрит», —
Но до сих пор печенка не болит!..

Тем временем туман редел; и вскоре
Залились светом темных туч края,
И засверкали полосы на море.
Тогда на воздух выбежала я;
Закутавшись тепло, сижу я в кресле
На палубе, и вы теперь — со мной;
Безоблачно сейчас и дивно! Если
Все так останется, то к вечеру домой,
Пробыв на воле с вами неотлучно,
Бог даст, я доберусь благополучно.

ОБЕЩАНЬЕ

Нам незачем просроченным обетом
Друг друга связывать, и связывать себя.
Лишь ложь и ревность выросли-б на этом,
Живое чувство верности губя.

Но — клятвенно тебе я обещаю:
В других и впредь влюбляться буду я
Попрежнему, тебя не предавая.
Ты — мой один, как я — одна твоя.

СПУСТЯ ПОЛВЕКА

О, как зверинец изменился —
Не в год, не в два...
Барашек в тигра превратился,
А слон — во льва.
А рысь, пленившая полмира,
(Ей все к лицу), —
В почтенную голубку мира
Или — в овцу...
Тебе-б овечкой быть, дурашка,
Мой бедный друг,
Пока доверчивым барашком
Был твой супруг!
Теперь ему не ты — царица
Средь местных дев, —
Теперь ему, быть может снится
Косматый лев...

ЗАКАТ

(Из окна поезда)

Внизу — расплавленным кармином,
По зимнему зловещ и жгуч,
Горит закат неукротимо.

Клубок лилово-серых туч
Повыше, он измазал, шалый,
Толченым, жарким кирпичем,
Который еще с час, пожалуй,
Пылать в Геенне обречен.

А там, где над курчавой ватой
Прорвался — холоден и чист —
Небес отрезок, там заката
Тон розовато золотист.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

(Конец путешествия)

...На нижней палубе канатной,
Где ветер режет не сполна,
Чуть влево — красный шар закатный,
А сзади — бледная луна.
Там дрожь и стук машины слитны
С разрядом волн из-под винтов,
И в сборном этом шуме — ритмы
Еще не сложенных стихов.

Ушли в ничто трех дней волненья,
Границы, люди, поезда...

В морской пустыне, на мгновенье,
Зажглась далекая звезда.
И вновь потухла. И явилась
Немного дальше. И опять
Исчезла. Сбоку засветилась
Другая; и пошли мигать,
Мерцать и гаснуть обещанья, —
Огни далеких маяков,
И выступали очертанья
Почти невидимых судов.

Тогда внезапно ночь спустилась,
И яркой сделалась луна;
За пароходом заискрилась,
Каскадом блещущим, волна.

С портовой бранью сотни чаек —
Откуда ни возьмись — кружат
Над палубой теперь; их стаи
Своим присутствием твердят
(Как голубь Ветхого Завета) —
«Земля». Уж с двух сторон вдали
Огни, огни, и корабли,
И — полосою — силуэты
Желанной, призрачной земли.

Но — холодно стоять недвижно,
Хоть и с восторгом, на ветру.
Вернусь-ка лучше я в жару
Прокуреной столовой нижней!..

Тут все спешат: из всех углов
Несут, несут багаж матросы,
Снимают скатерти, подносы,
Сметают пепел со столов,

И неохотно на вопросы
Из все одних и тех-же слов
Дают неточные ответы.
Как надоело им все это!
Но — видно жребий их таков.

А море с'узилось; и ближе
Сверкает кружево огней,
И фары алчно небо лижут,
Смещая ребусы теней.

И, выростая из тумана,
Высокий, строгий волнорез
Подводит к нам столбы и краны.
Таща мешки и чемоданы,
Народ на палубу полез.
Летят канаты; чьи-то руки
Их ловко ловят; стоп. Причал.
В порту — гудки, ночные звуки,
Налет какой-то серой скуки,
(А может — грусти и разлуки —)
И кран прерывно зажужжал.

И вдруг, глядим, — вагон товарный
Над головами поднялся!
Смешно и странно: чудеса
Из чертовщины легендарной!..
Автомобиль, не долго думав,
Взлетел: без крыльев — самолет…
Так кран, играючи, из трюма
Бирюльки эти достает.
Все новый груз из преисподней
Легко по воздуху плывет.

Но вот уже спустили сходни,
И снова тронулся народ.

Нестойко, путаясь руками,
Как овцы — мелкими шажками
По сходням движутся вперед;
И-вот уж берег под ногами!
(Но с непривычки-ли — Бог весть —
Качает будто больше — *здесь!*)

Представив паспорт, осторожно
Все направляются в таможню.
Потеют, сердятся, и ждут.
Но крестик, мелом начерченный
На чемодане — тут как тут,
И, улыбаясь облегченно,
Счастливцы к поезду бегут.
Плюх — на сиденье. Наконец!..
На час волнениям конец.

Английский чай и бутерброды
Венчают выстраданный путь;
Забыв недавние невзгоды
Все собираются вздремнуть.

Вот поезд тронулся. Качает
Слегка; и — мягко, и — светло.
Согретая горячим чаем,
Гляжу в холодное стекло.
За ним — темно; лишь отраженья
Купэ, и моего лица,
И черной дали.
И черной дали.
И черной дали —
Без конца...

(Так что-ж сегодня? Воскресенье?
Не знаю. Может быть и — да.
Нет, впрочем, кажется, — среда?)

Обрывки мыслей, выраженья,
            И цыфры треплются в мозгу,
                        Но осознать их,
                                Остановить их,
                                        Или понять их
                                                Я не могу.

Качаясь, думаю уютно
Все вновь о тех, кого люблю,
И, просыпаясь поминутно,
Я без конца, но чутко сплю,
    Как спят собаки, спят стада...
                А в черной дали —
                        А в черной дали —
                                А в черной дали —
                                                Города...

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ОРФЕЙ. ЭВРИДИКА. ГЕРМЕС

Р. М. Рильке

То было душ причудливым прииском.
Серебряной рудою шли они
Как жилы в темноте. Между корнями
Рождалась кровь, которая восходит, —
Единственное красное — на землю;
Тяжелой, как порфир, она казалась
В подземном мраке.

Скалы были там
И мертвые леса. Мосты в пространстве,
И тот слепой, обширный, серый пруд,
Повисший над своим далеким дном,
Как небо дождевое над ландшафтом.
И меж лугов, исполненных терпенья
И кротости, белящимся холстом
Разложенным, мерещилась дорога.

И этою дорогой шли они.

Всех впереди, в плаще лазурном, стройный,
Орфей, с немым, нетерпеливым взором.
Был шаг его прожорлив; не жуя
Глотал он путь кусками; руки слитно
И тяжело повисли в складках платья,
Уже не ведая о легкой лире
Которая вросла в них, как побег
Шиповника в оливковую ветку.

Его сознанье секлось пополам:
Тогда как взгляд, как резвая собака,
Бежал вперед, оглядывался, снова
Был тут, чтоб снова ждать на повороте, —
Остался слух, как запах, позади.
Порой казалось, будто достигает
Он звука двух, которые за ним
Должны были итти все это время.
Потом опять то было только эхом
Его шагов, и ветром в одеяньи.
Но он себе твердил: они идут.
Сказал: «идут»; и слышал, как в долине
Раскаты слова замерли. Но все же
Они идут; но только это двое
Идущих страшно тихо; если б мог
Он только оглянуться (если б это
Не значило разрушить все строенье
Им возводимое), то он бы должен
Увидеть их, молчащих, за собой:
Гермеса, бога дальнего посланья,
В дорожном шлеме, сдвинутом на брови,
Со стройным посохом, вперед влекущим,
И с бьющими у ног его крылами;
И, данную руке его: ее.

Ту столь любимую, что жалоб больше
Из лиры шло, чем из толпы печальниц;
Что целый мир из жалобы возник,
В котором были снова лес и дол,
Дорога, зверь, и поле и река;
И что, как солнце вкруг земли, и небо
Со звёздами кружится, так вокруг
Той новой, полной жалобы, земли,
Шло небо звезд, исполненное жалоб:
С этой столь любимой.

Она же, за руку, послушно шла за ним,
Стесненной длинным саваном походкой,
Нетвердо, кротко, и без суеты.
Она была в себе, как в ожиданьи,
Не думала о том, кто шел пред нею,
Ни о пути, который вел на землю.
Она была в себе. Ее умершесть
Собою наполняла, как избыток.
Как плод исполнен сладости и мрака,
Была она полна своею смертью,
Столь новою, что ставила втупик.

Она была в девичестве вторичном,
И неприкосновенна; как цветок
Со сложенными к ночи лепестками
Закрыта изнутри; и обрученье
Так далеко и чуждо стало ей,
Что даже бога легкого, едва
Заметное, как вздох, прикосновенье
Казалось оскорбленьем для нее.

Она была совсем уже не та,
Воспетая подчас поэтом в песне,
Не остров, не благоуханье ложа,
Не собственность того, кто шел пред ней.

Она уже распалась как прическа,
Была, как дождь упавший, отдана,
Разделена стократно как припасы,
И стала корнем.
И когда Гермес
Внезапно, и с отчаяньем, воскликнул,
Ее остановив: «Он обернулся!» —
То, не поняв, спросила тихо: «Кто?»

Вдали же, заслоняя ясный выход,
Стоял недвижно кто-то, чье лицо
Нельзя было различить. Он стоял
И видел, как на луговой тропинке,
С печали полным взором, бог посланья
Безмолвно обернулся, вслед за той,
Уже идущей тем путем обратно,
Стесненной длинным саваном походкой,
Нетвердо, кротко, и без суеты.

В ТУМАНЕ

Герман Гессе

Странно брести в тумане.
Ствол стволу невидим.
Одиноки и куст, и камень.
Каждый стоит один.

Был мой мир друзьями богат
В пору жизни светлой, завидной;
Но пал холодный туман —
Ни единого больше не видно.

Истинно — тот невежда,
Кому незнакома тьма:
Тихо и неизбежно
От всего отлучает она.

Странно брести в тумане.
Никто неведом другим.
Жить — это быть одиноким.
Каждый — один.